

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Поручик ракетной команды

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Фраза «Ракетчик Лев Толстой» может многих поставить в недоумение. Что могло быть общего у писателя с видом оружия, который мы привыкли считать приметой нашего времени?

Чтобы ответить на этот вопрос, зададим второй: где проходил службу артиллерийский офицер Лев Толстой в последний год своего пребывания в армии? С ноября 1855 года по ноябрь 1856-го? Большинство биографов писателя обходит этот вопрос молчанием.

Но ответ дает сам Толстой во вступлении к задуманной им и так и неосуществленной книге «Декабристы»:

«Пишущий эти строки... несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение», а затем «прибыл в центр государства, в ракетное заведение».

Итак, ракетное заведение. То, о котором выдающийся русский ученый и изобретатель К. И. Константинов сообщал:

«У нас, как известно, существует только одно заведение для приготовления боевых ракет. В нем, по штату 1851 года, всего 30 рабочих... При таких ничтожных средствах приходилось снабжать ракетами войска почти вдоль всех наших азиатских и европейских границ...»

Заметим, что это были разработанные К. И. Константиновым весьма совершенные для того времени образцы техники, в два с половиной раза превосходившие по дальности стрельбы артиллерийские орудия. А делались ракеты, естественно, вручную, причем рабочие знали «очень хорошо, что одна песчинка, попавшая в пороховую мякоть, может стоить им жизни». Впоследствии К. И. Константинов читал в Артиллерийской академии курс лекций «О боевых ракетах», и, изданный в 1864 году, этот курс явился первым фундаментальным научным трудом по теории пороховых ракет.

С действием боевых ракет Л. Н. Толстой мог ознакомиться в Севастополе, где они применялись командой, возглавляемой морским артиллеристом Ф. Пестичем.

Прибывший в Петербург 21 ноября 1855 года Л. Н. Толстой был зачислен в ракетную батарею. Она, с одной стороны, готовила для армии кадры, с другой — занималась изысканием наиболее эффективных форм боевого применения оружия.

Вскоре, однако, батарею расформировали. Часть офицеров направили в войска, часть оставили при заведении. Л. Н. Толстой был в числе оставленных.

Место службы его находилось за южной окраиной Петербурга, где в те времена простирался большой пустырь, прозванный Волковым полем. Здесь же располагался и полигон. Память о тех временах Ленинград сохранил в названиях Волковский проспект, Стрельбищенская улица.

Как отмечали современники, Л. Толстой прибыл в столицу в двойном ореоле славы — и как восходящее литературное светило, и как севастопольский герой. Он сразу же был окружен всеобщим вниманием, не замедлил познакомиться и подружиться с передовыми русскими писателями: Тургеневым, Некрасовым, Чернышевским, Гончаровым, Фетом, Григорьевичем... Двадцатисемилетний Толстой и сам работал напряженно, увлеченно: закончив «Юность», он завершает свою трилогию, пишет рассказы «Метель» и «Разжалованный», повесть «Два гусара», возвращается к работе над «Казакami».

По всей видимости, начальник ракетного заведения К. И. Константинов не очень обременял своего подчиненного исполнением служебных обязанностей. Человек большого ума, широкого кругозора, он не мог не видеть, что истинное призвание Толстого — литературное, что на этом поприще Толстой принесет наибольшую пользу Родине. Константинов неоднократно предоставлял Толстому отпуск и отговаривал от увольнения из армии.

Однако Толстой, получив 6 мая 1856 года отпуск, выезжает в Москву, а затем в Ясную Поляну и оттуда подает прошение об отставке. Он пишет своему севастопольскому другу Е. П. Ковалевскому:

«Я с этой почтой посылаю Константинову рапорт об отставке. Пожалуйста, скажите словечко в инспекторском департаменте, чтобы дело это сделалось поскорее, и, ежели увидите моего милейшего начальника, и ему скажите, чтобы он не задерживал отставки. А то он раз отговаривал меня и теперь как бы не сделал этого».

Узнав, что «отставку воротили», Толстой едет в Тулу и пишет новый рапорт. На этот раз его увольнение с военной службы было ускорено обстоятельствами, о которых он сообщил в письме от 10 ноября 1856 года брату Сергею:

«Извини, любезный друг Сережа, что пишу два слова — все некогда. Мне все неудачи с моего отъезда... Но главное, Константинов объявил мне, только что я приехал, что великий князь Михаил, узнав, что я будто бы сочинил песню, недоволен особенно тем, что будто бы я учил ей солдат. Это гнусно. Я объяснился по этому поводу с начальником штаба...»

О какой песне речь? Здесь вновь, хотя и в несколько ином плане, Л. Н. Толстой напомнил о себе, как об участнике Крымской войны, написавшем однажды: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский».

В то же время Толстой, как и все передовое русское офицерство, горячо возмущался бездарным руководством князя А. С. Меншикова, командовавшего русскими войсками в Крыму, царского фаворита.

Это возмущение нашло выражение в сатирических куплетах, в составлении которых, по воспоминаниям современников, участвовали разные лица. Об участии Л. Н. Толстого было немало дискуссий. Бесспорно одно: сквозь стихотворные строки проглядывает автор талантливый, с острым видением людей и событий, прекрасно владеющий сатирическим пером. Импровизации эти получили хождение под названием «Севастопольских песен». В первой из них («Как четвертого числа...») есть такие строки:

Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большом листу.
Чисто вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
Как по ним ходить.

26 ноября 1856 года Л. Н. Толстой в скромном чине армейского поручика-артиллериста вышел в отставку. Закончился пятилетний период его службы в армии. С Константиновым Севастополя сумел он разглядеть огонь былых сражений — под Аустерлицем и Бородино. Собственный боевой опыт помог ему создать образы героев 1812 года в бессмертной эпопее «Война и мир».

Г. МАЗИНГ,
доктор технических наук.